

УДК 930-051

Л.И. Шерстова

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДЕ Г.Н. ПОТАНИНА
«ОЧЕРКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ». НЕПРЕХОДЯЩАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ
И СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ**

Фундаментальный труд Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии» [1], особенно его второй и четвертый выпуски, представляющие собой свод этнографических материалов, занимает прочное место в отечественных тюркологии и монголоведении. Но это сочинение до сих пор не стало предметом серьезного научного анализа. В статье рассматривается этнографический аспект труда.

Ключевые слова: Монголия, Г.Н. Потанин, этнография.

Экспедиция в Северо-Западную Монголию была организована Императорским Русским географическим обществом и была совершена Г.Н. Потаниным в 1879 г. Но часть сказок, вошедших в IV выпуск «Очерков Северо-Западной Монголии», была записана еще во время первой поездки в Монголию в 1876–1877 гг., а казахские сказки зафиксированы в 1876 г. в Прикобдинском Алтае и в 1880 г. в Семипалатинской области. Если учесть, что IV выпуск вышел в Санкт-Петербурге в 1883 г. и вспомнить мнение современников о паразитической работоспособности Г. Н. Потанина и его научной точности, термин «материалы», поставленный автором в подзаголовке титульного листа, представляется не вполне соответствующим сути и значимости этого исследования.

«Очерки...» – достаточно сложная по структуре работа, которая четко делится на три части: этнографические материалы, сказки и легенды и, наконец, обширные примечания, являющиеся, в сущности, незаконченными научными исследованиями. В сфере научных интересов Г.Н. Потанина оказались «тюркские племена Русского Алтая»: Алтай, Теленгет, Тоёлес; различные этнотерриториальные группы урянхайцев (по преимуществу, будущие тувинцы); монгольские народы: дюрбюр (дербеты), дархаты, буряты, халха, а также киргизы, подданные как России, так и Китая.

Включение бурятов, алтайских народов, казахов в географические рамки «Северо-Западной Монголии» едва ли оказалось произвольным: оно отражало глубинные представления Г.Н. Потанина о Центральной Азии как о «целостном организме», составными частями которого являются Монголия, Алтай (вообще Южная Сибирь), казахские земли. Определяя географию исследуемого района, автор подходил к этой проблеме не как географ, а прежде всего, как этнограф. Именно куль-

турная и языковая непрерывность северных рубежей Монголии и юга Западной Сибири, этногенетическая близость позволяли рассматривать этот регион как некое культурно-языковое единство, независимо от политических, орографических, ландшафтных систем. В сущности, Г.Н. Потанин, исходя из этнографических материалов, очертил северные границы Центральной Азии (в традиционном отечественном понимании), которые охватили тюрко- и монгологоворящую Южную Сибирь. Последующие исследования отечественных ученых [2] убедительно показали, что процессы тюркизации народов Южной и Средней Сибири, начавшиеся в конце I тыс. до н. э. и исходившие с территории монгольских степей, не только изменили язык и отдельные элементы их культуры, но и втянули аборигенов в «кочевые державы Центральной Азии», превратив их в необходимые составляющие «мощных империй».

Монгольская экспансия в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях, развернувшаяся с 1207 г., в военно-административном и политическом аспектах ничего преимущественно нового «лесным народам» не принесла – кроме, разве что, интенсификации миграционных процессов целых этносов или их осколков по евразийской степи и частичного омонголивания отдельных тюркоязычных групп. Таким образом, к приходу русских в Сибирь ее южные рубежи от Урала до Амура и далее на восток являлись составной частью этнокультурной и геополитической историко-этнографической провинции, которой являлась Центральная Азия в широком толковании ее границ и пределов. Этот вывод Г.Н. Потанина весьма важен не только для историков и этнографов, его необходимо учитывать при изучении истории международных отношений в Центральной Азии. В этом случае этнические рубежи

Центральной Азии представляются подвижными, а геополитические границы отличаются нечеткостью и изменчивостью. В итоге – отсутствие точного совпадения географических, этнографических, геополитических параметров Центрально-Азиатского региона.

Не менее актуальной выглядит проблема, поставленная Г.Н. Потаниным, об этнической принадлежности домонгольского населения земель между Алтаем и Тянь-Шанем. Во время его путешествий эта территория достаточно плотно была заселена киргизами (казахами). Однако Г.Н. Потанин ставит вопрос о том, какие народы расселялись здесь до прихода монголов (джунгар) – исторических предшественников казахов на этих землях. Очевидность проживания казахов в XIX в. в этих местах, по его мнению, не является аргументом в пользу их автохтонности. Таким образом, ставятся две проблемы. Первая заключается в том, какое домонгольское население обитало здесь, вторая затрагивает вопрос о территории этногенеза собственно казахов.

Опираясь на блестящее знание монгольской этнографии и культур различных тюркских народов Саяно-Алтая, Г.Н. Потанин проводит сравнительно-этнографические изыскания. При этом он сравнивает не целые культурные комплексы монголов и тюрков Саяно-Алтая, с одной стороны, и казахов – с другой. Он вычленяет общее и особенное в деталях этих скотоводческих культур. Именно детали являются более выразительными этнографическими маркерами при сравнении однотипных культур, поскольку, помимо прочего, в них удерживаются этнокультурные следы давно забытых, исчезнувших народов-предшественников. Так, Г.Н. Потанин подчеркивал, что как тюрки, так и монголы предпочитают недоваренное мясо и, фактически, не употребляют соли, что существенно отличает их кулинарию от казахской, где в ходу соль и наваристый бульон из разваренного мяса [1. Т. IV. С. 656].

Далее он подмечает различное отношение тех и других к стирке белья и умыванию. Согласно «Ясе» Чингисхана, воду нельзя осквернять грязной одеждой, и этот запрет проходит через всю культуру монголов и тюрков Саяно-Алтая. Казахи не только практиковали стирку, но и изготавливали мыло. Продолжая такого рода сравнения, Г.Н. Потанин приходит к выводу о том, что «монголы, представляя расу, как будто менее киргизов тронутую культурой, в других сторонах быта оказываются выше киргизов». Это, в первую очередь, касается культуры кочевого образа жизни: перекочевки монголов незначительны, маршруты ус-

тойчивы. Юрты ставятся прочными, пол устилается досками или вымощивается камнями, в юрте встречалась мебель, в том числе деревянная кровать, в то время как у казахов даже богатые люди спят на войлоках. В юртах монголов встречались книги, изображения святых, что являлось следствием распространения буддизма, в то время как «книга являлась редкостью в руках киргиза» [1. Т. IV. С. 657].

Подобный парадокс в монгольской и близкой ей культуре тюрков Саяно-Алтая, с одной стороны, и казахов – с другой, Г.Н. Потанин убедительно объясняет тем, что первые всегда находились на периферии цивилизационного мира Китая и Тибета, Оттуда, в результате торговых, религиозных и политических связей, проникали престижные предметы и религиозные идеи. В то же время это не могло коренным образом изменить бытовую жизнь, сохранявшуюся без особых изменений в течение сотен лет. Г.Н. Потанин не без основания полагал, что торговые отношения между китайцами и монголами, а также тюрками Южной Сибири существенно не различались как в древности, так и в конце XIX в. [1. Т. IV. С. 657].

Особенность китайской политической культуры заключалась в отработанной еще в древности системе многоплановых связей с различными группами «варваров». При этом китайцы не стремились изменить их образ жизни. «Китайский национализм» не мог создать аналогичных «дочерних» культур, именно в силу убежденности китайцев в своей уникальности, своей «срединности» по отношению к миру. Многочисленные «северные варвары», т.е. предки тюркских и монгольских народов, безусловно, втягивались в сферу влияния Китая, но это не нарушало их внутреннего уклада и образа жизни в целом. Такое отношение к неханьским народам (исключая отдельные периоды, вроде «культурной революции») характерно для китайской политической культуры на всех этапах взаимодействия с «варварским миром».

В то же время бытовые особенности казахской культуры приводят Г.Н. Потанина к заключению: «Киргизы жили где-то посреди культурной расы, где усвоили некоторые привычки и производства, удаляющие их от дикарей. Таким местом их прежнего жительства мог быть Туркестан» [1. Т. IV. С. 658]. Согласно современным этнографическим данным ядро казахского этноса сформировалось к XVI в. в непосредственной близости от Бухарского эмирата, а среднеазиатские кипчаки, как один из этнических компонентов казахов, играли заметную роль в политических событиях средневековых государств Хорезма.

Обострившиеся политические отношения, развивающаяся торговля обусловили их миграцию к южным рубежам Западной Сибири. И если в XVII в. основная опасность первым русским городам исходила от ногаев, башкир, черных калмыков (т.е. западных монголов), то к середине XVIII в. казахи становятся хорошо известными русскому линейному казачеству. После разгрома Джунгарии Китаем часть казахов перешла в русское подданство и расселилась по верховьям Иртыша – от Алтая до Тянь-Шаня. За это они получили право сезонного передвижения по правобережью Иртыша на Кабинетских землях. Другая часть казахов, сделавшись данниками Цинской империи, заняла опустошенные джунгарские территории и, прежде всего, Монгольский Алтай.

Будучи внимательным и вдумчивым исследователем, Г.Н. Потанин критически относился к своему знанию языков народов Саяно-Алтая и Монголии. В «Примечаниях» он отмечал, что при переводе сказок этих народов он пользовался услугами переводчиков. Ему удалось увлечь этим делом представителей разных социальных слоев и национальностей: с алтайского языка переводили братья-миссионеры, телеуты М. и И. Чевалковы, а также некоторые русские миссионеры, работавшие в Горном Алтае. Переводчиками с монгольского были приказчики купцов Хабаров и В. Палкин, проведенные в Северо-Западной Монголии несколько лет. С бурятского переводили буряты о. Чистохин и Матханов.

При этом исследователь понимал уязвимость сбора материалов при помощи переводчиков. Предельно критически подходя к подобному способу, он писал, что полученный перевод «не имеет той научной ценности, какую он мог бы иметь, будучи сделанным лингвистами». При этом Г.Н. Потанин отмечал, что причина кроется в явном недостатке лингвистов, знающих языки народов Сибири, а «между тем, преобразования племен в другие национальности идет быстро, и иное племя вымрет, прежде чем дождется исследователя своего наречия» [1. Т. IV. С. 651]. Данное обстоятельство не потеряло своей актуальности и для современной этнографии: во многом XX в. для сибирских народов оказался периодом превалирования ассимиляционных и аккультурационных процессов. Некоторые из сибирских аборигенов так и не дождались полного изучения своих языков, утратив их. В связи с этим переведенные материалы являются уникальным свидетельством оригинальности и богатства их культур. Кроме того, Г.Н. Потанин совершенно верно различал задачи лингвиста и «мифолога». Он писал: «Для

мифолога не имеет такой важности, как для лингвиста, буквальная запись сказания; для него будет иметь цену и одно содержание сказания, с сохранением собственных имен и тех типических черт, сознание важности которых воспитывается в собирателе самим процессом записывания» [1. Т. IV. С. 651]. Думается, что это утверждение является достойным ответом для тех, кто и до сих пор считает, что лингвист идентичен этнографу.

Информаторами Г.Н. Потанина были шаманы: алтайский Энчу, теленгитские Таран и Буунчук, урянхайская шаманка Найдык, аларские (бурятские) шаманы, дербетские, халхасские и бурятские ламы и т. д., простые скотоводы. Показательным является метод, которым пользовался Г.Н. Потанин при сборе материалов: последние группировались в рамках какого-либо явления или факта. Так, записывая предания о громе у народов Северо-Западной Монголии, он зафиксировал 24 поверья. Из них три записано у алтайцев, пять – у урянхайцев, четыре – у бурят, три – у теленгитов и по одному преданию у дербетов и халхасцев. Обращает на себя внимание способ фиксации сведений. Как правило, после каждого текста указаны имя, национальная принадлежность, род, место обитания, иногда занятия информаторов. Такой способ утвердился в отечественной науке и, как правило, используется современными этнографами. Здесь Г.Н. Потанин опережал свое время: тогда был принят иной способ документального оформления этнографических источников, когда, за редким исключением, не указывалась ни родовая принадлежность, ни местообитание информатора, что существенно сужало возможности использования собранных данных. В связи с этим стоит заметить, что не все материалы, собранные, к примеру, В. Вербицким, можно использовать в этнографических исследованиях, т. к. большая их часть не имеет вышеназванных атрибутов, и об их этнической принадлежности нередко остается только догадываться.

Между тем внимание Г.Н. Потанина к родовой и этнической принадлежности информаторов позволяет проводить исследования не только по данному этносу, но и использовать материалы при сравнительно-этнографических изысканиях. Записанные тексты, в том числе сказок и преданий, несмотря на некоторые специфические черты, по мнению Г.Н. Потанина, обладали значительным сходством. Он объясняет это следующими факторами: единством законов человеческого мышления, племенным сродством и заимствованиями. При этом он подчеркивает сходство сюжетов сказаний «азиатских и западных». Объясняет это об-

стоятельство заимствованием, но неизбежно сталкивается с вопросом: «каким путем и как и у кого сделано заимствование – арийцами ли у неарийцев или наоборот?» Г.Н. Потанин предлагает несколько путей заимствований: «через торговые отношения, через посольства, переселением племен и завоевательными армиями, которые в древние времена совпадали с переселением племен» [1. Т. IV. С. 651].

Поставленные Г.Н. Потаниным проблемы заимствования культурных элементов во второй половине XIX в. были актуальны не только в отечественной, но и западной этнологии. Именно в это время или чуть позднее в Германии вокруг Ф. Ратцеля формируется научное направление, известное как диффузионизм. В противовес эволюционистам диффузионисты считали, что любой культурный феномен является уникальным и возникает однажды в определенной географической среде. Однако абсолютизация диффузионистами культурных феноменов привела к пониманию культуры как самодостаточного и активного элемента человеческого сообщества. Они видели культурные элементы, но не людей – их создателей и носителей.

Такое понимание культуры как «самодовлеющего феномена» существенно отличало подход к проблеме заимствования диффузионистов и Г.Н. Потанина. Для него главным элементом процесса заимствования были людские общности. Рассуждая над проблемой отношения «северо-азиатских» и «средне-азиатских» сказаний к «западным», он предполагал: «1) заимствования европейскими народностями у монголов и других неарийских племен (половцев, печенегов, аваров, гуннов), приходивших в южную Россию в историческое время; 2) заносом западных сказаний монголами и другими завоевателями толпами, после нашествия на Европу, возвращавшимися в Центральную Азию, а также возвращавшимися в Азию караванами; 3) принесением арийскими племенами Европы со своей отдаленной родины, где оно могло жить также и в соседстве с неарийскими племенами...; 4) заимствованием у неарий-

ских аборигенов Европы, которые жили в ней до прихода арийцев» [1. Т. IV. С. 651]. Сравнив эти версии, Г.Н. Потанин пришел к выводу о гораздо большем влиянии восточной традиции на западную, усиленную воздействием финских племен на арийцев [1. Т. IV. С. 652].

Выводы Г.Н. Потанина оказались неожиданными не только для его современников: они остаются пока за пределами научного изучения современной науки, при том, что позже, в 1912 г., Г.Н. Потанин написал специальную работу «Сага о Соломоне. Восточные материалы к вопросу о происхождении саги», в которой подробно рассмотрел восточные (азиатские) влияния на западноевропейскую и древнерусскую устную традицию.

Принять тезис Г.Н. Потанина о глубоком влиянии Азии на культуру Европы, безусловно, мешает европоцентристский взгляд на динамику человеческой цивилизации, присущий не только его современникам, но и потомкам. Стереотип «европейского культуртрегерства» прочно закрепился в эволюционистской и марксистской концепциях развития человечества. Научная широта, глубокое знание культуры народов Центральной Азии, уважительное отношение к ним, новый взгляд на, казалось бы, устоявшиеся «научные истины», научная смелость позволили Г.Н. Потанину не только поставить новые научные проблемы, но предложить собственный путь их решения. И можно согласиться с Г.И. Пелих в том, что многие современники не понимали его социологических концепций [3. С. 146], добавив, что и его новаторские этнологические идеи оказались не оцененными современниками и почти не понятыми потомками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II–IV: Материалы этнографические. СПб., 1883.
2. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Ленинград: ЛГУ, 1983.
3. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина // Публ. А.Т. Топчия. Томск: ТГУ. 2006.